

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЫМСКОГО ХАНСТВА
В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVII в.*

© 2010

В.В. ПЕНСКОЙ

Распад Золотой Орды привел к коренному изменению политической обстановки и расстановки сил в Восточной и Юго-Восточной Европе. В борьбу за господство в Восточной Европе вступили Великое княжество Литовское и Московское государство. Свои претензии на наследие Золотой Орды заявили и владельцы сформировавшегося во второй половине XV в. Крымского ханства (о времени его возникновения см. [Исхаков, 2004; Некрасов, 1999; Хорошкевич, 2001]). Они подкреплялись не только происхождением рода крымских ханов от самого Чингис-хана, но и мощной военной силой, что находилась в руках Гиреев. Огромная роль, которую сыграли вооруженные силы в истории Крымского ханства, не вызывает сомнения. Нельзя сказать, что проблема изучения особенностей становления и развития вооруженных сил Крымского ханства не интересовала отечественных и зарубежных исследователей. В последние годы появилось несколько работ, посвященных этому вопросу (см. [Дмитриев, 2003; Ищенко, 1989 и др.]). Однако изучение данной проблемы, как и в целом истории Крымского ханства, после долгого забвения находится в самом начале. На сегодняшний день мы не имеем более или менее ясного представления о том, что представляло из себя татарское войско конца XV–XVII в. Бытующее в литературе представление о крымском войске как о “тьмочисленной” рати плохо вооруженных всадников, способных только на грабежи и избиение безоружных украинских и русских поселян, находится в явном противоречии с той важной ролью, которую играло Крымское ханство в истории Восточной и Юго-Восточной Европы позднего средневековья – раннего Нового времени, в то время, когда реальный вес государства в системе политических отношений определялся прежде всего размерами его военного потенциала.

Приступая к анализу особенностей развития военного дела Крымского ханства, мы исходили из сформулированного американским исследователем С. Хантингтоном определения структуры военной мощи государства. Он писал, что последняя “...имеет четыре измерения: количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – **способность и желание общества эффективно применять военную силу** (выделено мною. – В.П.)...” [Хантингтон, 2003, с. 126].

С попытки определить количественные параметры военного потенциала Крымского ханства мы и начнем. Трудно не согласиться с мнением А.Л. Хорошкевич, которая отмечала, что “...абсолютные цифры населения Крымского ханства восстанавливаются с большим трудом” [Хорошкевич, 2001, с. 92]. Особенно это замечание справед-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-01-55102 а/Ц) и Бел.ГУ (внутри-вузовский грант 2007 г.).

ливо до начального периода истории Крымского ханства, когда переписей населения Крыма ханскими чиновниками, видимо, не осуществлялось. Лишь много позднее появляются некоторые сведения о численности населения ханства, но разброс мнений относительно того, сколько же проживало в Крыму жителей, все равно остается весьма существенным. Д.М. Исхаков, к примеру, полагал, что численность населения Крымского ханства при первых Гиреях колебалась в пределах от 300 до 600 тыс. человек [Исхаков, 2004, с. 34–36]. Ряд других исследователей, используя отрывочные сведения о переписях населения, производившихся при последних ханах, и результаты ревизий конца XVIII в., полагают, что в начале 80-х гг. XVIII в. под властью крымского хана находилось от 250–300 тыс. до примерно 430 тыс. или несколько более человек [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 217; Андреев, 1997, с. 168; Рославцева, 2008, с. 32]. Эти цифры представляются более точными и могут быть использованы в качестве основы при дальнейших расчетах. Несомненно, что за три столетия существования Крымского ханства численность его населения должна была вырасти, и, учитывая, что к этому времени способ хозяйствования *крымских татар* существенно изменился по сравнению с начальным периодом истории ханства, можно полагать, что на протяжении большей части XVI в. под властью крымских ханов находилось вряд ли намного больше 250 тыс. человек.

Попытаемся проверить, насколько верно это предположение. В качестве основы для расчетов возьмем сообщаемые современниками данные о численности татарских армий в отдельных походах и предполагаемую продуктивность пастбищ как самого Крыма, так и Северного Причерноморья, а также известные нормы призыва мужчин в ханское войско.

Едва ли не общим местом в исторических сочинениях с легкой руки некоторых современников стало приписывание крымским ханам способности в случае необходимости выставить в поле армию чуть ли не в 100 тыс., а то и 200 тыс. всадников (см. [Боплан, 2004, с. 227; Горсей, 1990, с. 56; Мадарьяга И. де, 2007, с. 364, 172; Флетчер, 1991, с. 90; Яворницкий, 1991, с. 320]). Цифры более чем впечатляющие, но насколько они реальны? Предположим, что крымские ханы действительно могли выставить столько воинов и эти цифры могут быть использованы при расчете численности населения Крымского ханства. Нормы, по которым Гирей набирали свое войско, известны. Османский писатель второй половины XVII в. Хюсейн Хезарфенн отмечал, что когда крымский хан собирался в поход, "...то /каждые/ семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей..." [Хезарфенн, 1990, с. 269]. Большинство современных специалистов сходятся на том, что для кочевников в случае тотальной мобилизации соотношение количества выставляемых воинов к общей численности населения составляло примерно 1 к 5 (см. [Крадин, 2002, с. 71–72; Плетнева, 1990, с. 79, 114]). Следовательно, общее население Крымского ханства в XVI – первой половине XVII в. составляло никак не менее 500 тыс., а то и 1 млн человек, что явно не соответствует действительности. Скорректируем эти данные, рассчитав биопродуктивность степи [Крадин, 2002, с. 78–79]. Расчеты показывают, что при сохранении чисто кочевого образа жизни собственно крымская степь могла прокормить никак не более 25–30 тыс. кочевников.

Примечательно, что если применить к полученной цифре нормы призыва воинов, приведенные выше, то полученные данные практически полностью совпадают со сведениями, что сообщал венецианский путешественник и дипломат И. Барбаро. Он писал, что обитавшие в степи на "острове Кафы" татары при необходимости могут выставить от 3 до 4 тыс. всадников [Барбаро и Контарини, 1971, с. 155]. О недостаточности собственных ресурсов крымского хана в начале XVI в. косвенно свидетельствуют и материалы дипломатической переписки между Крымом и Москвой. Так, летом 1501 г., в разгар противостояния между Менгли-Гиреем и его главным противником, ханом Большой Орды Шиг-Ахметом, крымский хан потребовал от своего союзника, московского государя Ивана III, чтобы тот прислал к нему на помощь 10-тысячное войско.

И поскольку Шиг-Ахмет располагал примерно 20-тысячной армией, следовательно, сам Менгли-Гирей имел сил значительно меньше и в одиночку сражаться с Шиг-Ахметом отнюдь не стремился [Хорошкевич, 2001, с. 155]. (Ср. сообщение московского посла в Крыму И. Мамонова о том, что летом 1501 г. "...царевы рати нынеча смечают в полтретьяцать тысяч..." [Памятники..., 1884, с. 368]). Эти данные либо завышены, либо, что более вероятно, отражают тот примерный максимум сил, что мог выставить Менгли-Гирей в случае тотальной мобилизации всего и вся). Поэтому ясно, почему в событиях 1501–1502 гг. Менгли-Гирей занял выжидательную позицию, не вступая в сражение с войском Шиг-Ахмета и почему Иван III в борьбе с Большой Ордой сделал ставку на крымского хана – он был менее сильным, а следовательно, и не таким опасным противником, как дети Ахмета.

Прошло примерно полстолетия, и литовский писатель и публицист Венцеслав Миколаевич (больше известный как Михалон Литвин) писал, что крымский хан при тотальной мобилизации всех мужчин, способных держать в руках оружие, может выставить войско в 30 тыс. всадников. При этом подчеркивал, что по сравнению с прежними временами численность населения Крымского ханства существенно выросла [Литвин, 1994, с. 65–66]. И действительно, после того, как в упорной борьбе Менгли-Гирей в начале XVI в. нанес поражение Шиг-Ахмету, к победителю откочевала большая часть улусов, ранее подчинявшихся его противнику [Зайцев, 2004, с. 100–105; Хорошкевич, 2001, с. 92к–93, 153–158, 162–163]. Вместе с первенством к Крыму перешла и большая часть земель и пастбищ, ранее контролировавшихся ханами Большой Орды. Применяя к новым владениям крымских ханов формулы расчета биопродуктивности пастбищ, получаем, что к концу правления Менгли-Гирея число его подданных могло приблизиться к 200 тыс. человек, т.е. (с учетом неизбежных при такого рода расчетах погрешностей) в целом укладывается в приведенные выше нормы призыва.

В дальнейшем численность населения Крыма неизбежно должна была расти, тем более что при преемниках Менгли-Гирея наметился переход татар к полуоседлому, а затем и оседлому образу жизни. Традиция приписывает особые заслуги в этом шестому крымскому хану Сахиб-Гирею I, сыну Менгли-Гирея [Смирнов, 2005, с. 312]. Соответственно росла и численность татарского войска. Так, в ходе отражения в 1555 г. набега крымского войска во главе с ханом Девлет-Гиреем I московские ратники захватили ханский лагерь с обозом (*кошем*) и 60 тыс. лошадей [*Никоновская летопись*, 2000, с. 257]. Известно, что каждый татарский воин, выступая в поход, вел за собой не менее двух запасных коней [Боплан, 2004, с. 231]. Исходя из текста летописи, можно предположить, что, направляясь со своим войском к Туле и предполагая встретить там русское войско, хан оставил в лагере лишних лошадей (вступать в бой, имея на поводу запасных лошадей неудобно) и что именно эти запасные лошади и были захвачены русскими. Отсюда следует, что в походе участвовало около 30 тыс. татарских воинов. И так как это был, видимо, обычный поход, не имевшей своей целью, как в 1571 г. (согласно ливонскому хронисту Б. Рюссову, в этом походе принимало участие 40 тыс. татар [Рюссов, 1879, с. 205]), тотального сокрушения неприятеля, то скорее всего хан набирал воинов по "обычной" норме, указанной Хезарфенном. Отсюда следует, что под властью хана находилось около 210 тыс. или несколько более собственно татар. Учитывая, что у татар как обычных кочевников всякий взрослый мужчина был потенциальным воином [Тунманн, 1991, с. 24; Хазанов, 2006, с. 475], можно предположить, что в середине XVI в. крымский хан мог выставить в поле при тотальной мобилизации всех боеспособных мужчин до 40–50 тыс. воинов. Согласно данным, приводимым В. Остапчуком, который ссылался на татарскую хроника Реммала Ходжи, в 1539 г. во время похода на Кубань специальные чиновники хана Сахиб-Гирея занесли в списки 40 тыс. воинов. Османский историк Ибрахим Эфенди Печеви, повествуя об участии татар в венгерской кампании 1594 г., писал, что с ним в османский лагерь прибыло не более 30–40 тыс. всадников [Остапчук, 2001, с. 405; Смирнов, 2005, с. 333]. С уче-

том контингентов, выставляемых ханскими вассалами, крымское войско могло иметь и больше воинов.

Таким образом, приводимая некоторыми авторами для второй половины XVI – первой половины XVII в. цифра в 40–60 тыс. воинов (с учетом союзников и вассалов), которыми могли располагать крымские Гиреи в больших походах, представляется отражающей реальную действительность [Каргалов, 2002, с. 47–48; Скрынников, 1986, с. 46]. Примечательно, что А.Л. Хорошкевич приводит сведения из архива римской курии, согласно которым в 1561 г. хан, измотанный войной с москвитями (sic!), мог выставить против Ивана IV от 30 до 40 тыс. всадников [Хорошкевич, 2003, с. 261]. Правда, вряд ли ханы реально могли поставить под свои знамена столько воинов. К примеру, русский посол Иван Судаков в мае 1588 г. сообщал, что хан “закручинился”, узнав о том, что “Мурат-Кирей царевич з братьею однолично будет на сем лете на Крым войною, а государь московской дал им стрельцов и казаков полтретьятцать тысяч с вогненным боем да с Волги да з Дону казаков пять тысяч...” [*Статейный список...*, 1891, с. 58–59]. Таким образом, 25 тыс. русских ратных людей с “вогненным боем”, усиленных татарской конницей, вводили крымского “царя” в “кручину”. И это в конце XVI в., когда Крымское ханство было многолюднее и сильнее, нежели в начале столетия! Следовательно, можно предположить, что 40–60 тыс. человек – это тот верхний предел численности крымского войска, который мог быть достигнут только при максимальном напряжении всех сил ханства. Реально в походах участвовало, как правило, много меньше всадников – тот же Иван Судаков сообщал, что в феврале 1588 г. хан выступил в поход на Украину с войском общей численностью 18 тыс. всадников и 500 турецких янычар из Кафы [*Статейный список...*, 1891, с. 68].

Много это или мало? Для сравнения: общая численность московского войска при Василии III составляла около 90 тыс. человек, из которых в поле могли быть задействованы одновременно до 50 тыс. ратников. В начале 60-х гг. XVI в. полевая армия московского царя составляла (при условии, что она сконцентрирована на одном стратегическом направлении) максимум около 70–75 тыс. человек, а все войско – до 100 тыс. ратных людей или несколько более [Пенской, 2008, с. 7–8, 11].

Теперь коснемся технологического аспекта военной мощи Крымского ханства. Сохранилось немало свидетельств современников относительно вооружения и внешнего вида воинов Крымского ханства. “Оружие их состоит в луке и стрелах; копьё у них редкость...”, – писал в начале XVI в. имперский посол С. Герберштейн и далее подчеркивал, что татары уклоняются от ближнего боя, не выдерживая его, “...не имея ни щита, ни копыя, ни шлема...”. Спустя несколько десятилетий после Герберштейна Михалон Литвин, следуя античной традиции, в полемическом задоре еще более заостряет эту характеристику татарского воина. Он сообщал своим читателям, что татарские воины, “...снаряженные по обычаю своему, а именно – многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножами на поясе. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают...”. Интересно, что примерно в том же духе высказывался много ранее о вооружении воинов Большой Орды итальянец А. Контарини.

Прошло еще несколько лет, и англичанин Дж. Флетчер писал: “Они (татары. – П.В.)... все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой... Некоторые кроме другого оружия берут с собой пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды... Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении...”. Наконец, спустя еще полстолетия француз Г.Л. де Боплан, описывая облик татарских воинов, отмечал, что “...вооружены они саблей, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож... Только

самые богатые носят кольчуги, остальные же, за неимением таковых, отправляются на войну [считай] голыми..." [Барбаро и Контарини, 1971, с. 224; Боплан, 2004, с. 219–221; Герберштейн, 2002, с. 257, 258; Литвин, 1994, с. 66; Флетчер, 1991, с. 91].

Все современники подчеркивали чрезвычайную легкость вооружения рядового татарского воина и вместе с тем стремление знатных и богатых воинов следовать турецкой традиции в использовании доспехов. Очевидно, что крымские татары практически отказались от прямого следования позднеордынской военной традиции. Ничего подобного отрядам тяжеловооруженных конных латников на конях, также облаченных в доспехи, которые имелись в золотоордынском войске XIV – начала XV в. [Горелик, 1983], мы не встречаем. Немногочисленной у крымских татар была и "средневооруженная" (по классификации Л.А. Боброва) латная конница, столь характерная для средне- и центральноазиатских армий того времени [Бобров, 2007]. Судя по всему, крымско-татарский комплекс защитного и наступательного вооружения целиком и полностью укладывался в стремительно складывавшийся и в первой четверти XVI в. практически завершивший формироваться единый западноазиатский, или русско-мусульманский, по мнению Л.А. Боброва [Бобров, 2004; Бобров 2003; Пинк, 2004], комплекс вооружения с той лишь разницей, что у крымских татар доспешная конница отсутствовала в сколько-нибудь серьезных количествах и основу войска оставляла легкая конница стрелков из лука. Стандартный комплект вооружения рядового татарского воина в это время составляли, судя по всему, *саадак*, сабля и нож, а для защиты использовались скорее всего мягкие, стеганные доспехи типа хорошо известного русского тегиля и подобные же защитные нагольвя. Знать и отборные воины из ханской свиты (о последних см.: [Броневский, 1867, с. 362, 367]) вооружались, как было отмечено выше, по турецкому образцу (о комплексе вооружения богатых татарских воинов см.: [Броневский, 1867, с. 366]). Возможно, что в отдельных случаях знатные и богатые воины могли использовать и конский доспех – стеганные попоны и маски.

Облегченный комплекс вооружения татарских воинов, очевидно, возник не случайно. Первоначально, когда крымско-татарское государство еще только складывалось, ханы и знать неизбежно должны были столкнуться с серьезной проблемой обеспечения основной массы рядовых воинов качественными и вместе с тем дешевыми доспехами и оружием. Разгром Золотой Орды Тимуром и последовавшая за этим деградация ее городской культуры привела к существенному сокращению производства оружия и доспехов собственно в Орде (косвенно об этом свидетельствуют приведенные выше слова А. Контарини о качестве вооружения ордынских воинов в конце XV в.). Импорт оружия из-за рубежа носил, судя по всему, достаточно ограниченный характер. Процесс завершения создания Крымского ханства и формирования в нем собственной городской культуры с развитым ремеслом практически совпал по времени со стремительным развитием огнестрельного оружия и падением значения оборонительного доспеха. Это вело к его облегчению и полному исчезновению. Лучшей защитой от растущей огневой мощи главных противников, татар, русских, поляков и литовцев, стала подвижность и маневренность крымских ратей, достигаемая всеми доступными средствами.

Огнестрельное оружие в рассматриваемый период не получило среди татар широкого распространения. Конечно, полагать, как это делает Дж. Горсей [Горсей, 1990, с. 70–71], что татары совсем не знали его, было бы ошибочно. Сражаясь с русскими и литовцами, они были прекрасно осведомлены о том, что такое пушки, аркебузы и мушкеты и в чем преимущество тех, кто ими обладает, над теми, у кого их нет. Уже при Сахиб-Гирее в состав ханской гвардии были включены отряды пехотинцев-*(тоффенчи)*, набираемых из рабов-*черкесов* и местного оседлого населения, общей численностью от 200 до 1000 человек. Они были вооружены и обучены по образцу и подобию турецких *янычар* (видимо, на службе крымского хана турецкая пехота появилась в конце XV в. [Памятники..., 1884, с. 105]). Подразделения наемных стрелков с этого

времени стали обязательным компонентом войска крымских ханов [Броневский, 1867, с. 365, 367; Остапчук, 2001, с. 402–403; Смирнов, 2005, с. 307, 313; Сенаи, 1998, с. 32, 47; Гунманн, 1991, с. 24]. Примерно в это время в состав ханского войска включается и легкая полевая артиллерия [Броневский, 1867, с. 367; *Никоновская летопись*, 2000, с. 139, 257, 258; Остапчук, 2001, с. 403]. Сама артиллерия у крымчаков появилась еще при Менгли-Гирее. Уже в 1502 г., снаряжаясь в поход против хана Большой Орды, Менгли-Гирей, по сообщению русского посла И. Мамонова, помимо всего прочего “...взяв с собою и пушки...”. Правда, пушки эти, равно как и канониры, были, судя по всему, турецкими [*Памятники...*, 1884, с. 378, 379, 417].

Правда, артиллерия, фитильные и колесцовые аркебузы, мушкеты и пистолеты, занявшие прочное место в армии Западной, Центральной и Восточной Европы, были слишком громоздки, ненадежны, обладали неважной, по сравнению с традиционным луком, скорострельностью и не настолько превосходили его по пробивной мощи, чтобы можно было отказаться от его применения. Традиционный татарский лук по эффективности по меньшей мере ничуть не уступал, если не превосходил, ручному огнестрельному оружию. Во всяком случае, Г. де Боплан отмечал искусность татарских стрелков, которые “...стреляют так метко из лука, что на расстоянии 60–100 шагов не дают промаха по своей цели, а при навесной залповой стрельбе посылают свои стрелы на дистанцию, вдвое большую, чем досягаемость козацких *ручниц*” [Боплан, 2004, с. 245, 251]. О бронебойных качествах и меткости стрельбы из лука см. [Никоноров, Худяков, 2004, с. 195, 197]. Существенно выше была и скорострельность лучников, особенно в скоротечных схватках. Единственным на то время преимуществом мушкета перед луком была возможность быстрее подготовить хорошего стрелка, тогда как для того, чтобы стать отменным лучником, нужны были годы упорного труда и регулярных тренировок. Но это не пугало татар, ибо к ним вполне приложимы слова М.В. Горелика, отмечавшего, что “...широкое использование лука, наличие большого контингента хороших лучников возможны прежде всего в обществе, в котором развита охота и пастушеское скотоводство, а общественные отношения отличаются достаточно высокой степенью свободы индивидуума от трудовых, требующих изнурительной работы обязанностей по отношению к властям, что позволяло ему иметь досуг для тренировок, охоты и пр...” [Горелик, 1993, с. 78–79]; (об обучении татарских лучников см. [Боплан, 2004, с. 215]).

Учитывая конный характер армии Крымского ханства, нельзя не сказать несколько слов и о строевых лошадях татарских воинов. Современники в один голос хвалили татарских коней за их выносливость и приспособленность к местным условиям [Герберштейн, 2002, с. 257; Литвин, 1994, с. 75]. Правда, достоинство татарских коней были обратной стороной их недостатков. От европейских они отличались более низким ростом (в среднем 131.9 см в холке [Кожевников, Гуревич, 1990, с. 14–15]) и в силу этого были не способны нести на себе тяжеловооруженного, закованного в сплошные доспехи всадника. Хороших, мощных коней у татар было немного. Так, в уже упоминавшемся эпизоде с захватом русскими воинами в 1555 г. ханского “коша” в их руки попало всего 200 *аргамаков* [*Никоновская летопись*, 2000, с. 257].

Проанализировав техническую сторону татарского военного дела, нельзя не остановиться и на его организационной составляющей. Структура крымского войска, судя по всему, оставалась вполне традиционной. Судя по всему, армия Крымского ханства включала в себя три основных компонента: личная ханская гвардия, в которую входили как османский контингент, так и рекрутированные из жителей Крыма отряды стрелков, и артиллерия; дружины *бегов* и ополчение, созываемое в случае большого похода из числа рядовых татар-мужчин в возрасте от 15 до 70 лет. К собственно татарскому войску добавлялись контингенты, выставляемые вассалами хана [Броневский, 1867, с. 365, 367; *Никоновская летопись*, 2000, с. 138; Остапчук, 2001, с. 402; Смирнов, 2005, с. 307, 313, 345]. Организация войска была основана на десятичном принципе [Боплан, 2004, с. 223].

Какой была тактика крымских татар? Анализ доступных материалов показывает, что она была сложнее, чем обычно представляется, и вместе с тем отличалась от прежней ордынской модели XIV – начала XV в. Поэтому фраза С.А. Ищенко о том, что крымские ханы сохранили почти без изменений ордынские традиции, связанные со спецификой военных действий [Ищенко, 1989, с. 138], представляется не вполне корректной. Изменения были, и они носили достаточно серьезный характер. Оттачивавшаяся веками традиционная схема действий кочевнической конницы на поле боя, включавшая в себя три основные фазы – лучный бой, шоковый удар тяжелой и средней конницы “в копыя” и добивание бегущего противника холодным оружием [Бобров, 2002, с. 96; Горелик, 1995, с. 381], уже не работала, так как состав наступательного и оборонительного вооружения крымских татар изменился. В лучшем случае из трех фаз осталось только две – первая и последняя. Да и сама татарская конница скорее всего действовала на поле боя в смешанных боевых порядках – первую шеренгу боевого построения занимали лучше вооруженные и защищенные воины, а остальные татары строились за ними [Бобров, 2007, с. 77–79].

Вместе с тем под влиянием турок крымские татары во второй четверти XVI в. приняли на вооружение классический османский Дестур-и-Руми – боевой порядок, ядром которого был *вагенбург*-табор из повозок (*зарбузан арабалары*), оснащенных легкой артиллерией (*фальконетами-зарбузан*), внутри которого находились стрелки-тюфенгчи [Остапчук, 2001, с. 402–403, 405–406]. О размерах крымского обоза в больших походах дает представление следующая фраза из грамоты И. Мамонова. Русский посол писал, что, готовясь к походу против Большой Орды, Менгли-Гирей “...всем своим людям велел готовить быту... и кони кормить, а у пяти б человек телега была, а по три кони у человека, а oprичь иного корму, было бы у пяти человек по два вола...” [Памятники...], 1884, с. 378]. Нельзя исключить, что этот шаг Сахиб-Гирей сделал под влиянием тяжелого поражения, которое потерпели крымские татары от *ногаев* в 1523 г. [Зайцев, 2006, с. 91–96].

Происшедшие изменения привели к тому, что тактика крымских татар изменилась по сравнению с классической ордынской моделью и варьировалась в зависимости от противника, с которым предстояло иметь дело, и от цели похода. Дестур-и-Руми в 40-х гг. XVI в. с успехом применялся Сахиб-Гиреем против *ногаев* и *черкесов*. Характерна фраза одного из черкесских князей, произнесенная им в 1551 г., когда он узнал о готовящемся походе Сахиб-Гирея: “Хан, говорят, идет грабить нас... Он **силен своими пушками** (выделено мною. – П.В.), а мои пушки и пищали – крутые горы и быстрые кони...” [Некрасов, 1990, с. 110]. Однако попытки *ногаев* и *черкесов* противостоять крымскому войску, имевшему пусть и немногочисленных (не более тысячи) пехотинцев, вооруженных ручным огнестрельным оружием, и легкую артиллерию, неизменно заканчивались неудачей. Так было в 1545 г. во время похода крымского войска на черкесов, в 1546 г., когда татарское войско взяло Астрахань, и при отражении набега *ногаев* на Крым в 1548 г. [Зайцев, 2006, с. 140; Некрасов, 1990, с. 107; Остапчук, 2001, с. 406].

Вместе с тем в походах против русских, литовцев и поляков татары редко использовали пехоту и артиллерию, а если они и появлялись на поле битвы, то, как правило, терпели неудачу, как в 1541 и 1552 гг. [Никоновская летопись, 2000, с. 138–139, 189–190]. Так, в походе 1552 г. хан имел 18 пушек, однако все они были потеряны во время неудачной осады Тулы [Акты..., 2008, с. 222–223]. Техническое и численное превосходство русских, литовцев и поляков, опиравшихся на намного более развитую промышленность, делало для татар бессмысленным соревнование в этих новых родах войск. Кроме того, османы, привлекая татар со второй половины XVI в. к участию в проводимых ими кампаниях, отводили им роль легковооруженных всадников-*акынджи*, в задачи которых входили прежде всего разведка и опустошение неприятельских территорий. Для этого Дестур-и-Руми и большой обоз были не нужны. Видимо, не слу-

чайно во второй половине XVI в. ставка была окончательно сделана на скорость, маневр и изматывание противника при одновременном уклонении от рукопашной схватки до тех пор, пока неприятель не побежит.

Полагая главной своей целью опустошение неприятельских земель и захват *ясыря* и уклоняясь от прямого столкновения с врагом, татары большое внимание уделяли разведке – и предваряющей открытие кампании, во время самого похода [Броневский, 1867, с. 361–362, 363; Вижнер, 1890, с. 81–82]. Об организации и проведении типичного татарского похода за ясырем на “север”, на Украину или на Русь, сохранилось немало свидетельств современников. Об этом писали, к примеру, М. Броневский и Г. де Боплан (описание татарского похода, сделанное последним, стало классическим) [Броневский, 1867, с. 362–363; Боплан, 2004, с. 227–235].

Однако, если крымские военачальники чувствовали, что перевес на их стороне, местность благоприятствует действиям их легкой конницы и есть высокие шансы на победу (или же противник вынуждал принять татар бой), они решались на сражение. Но и в этих случаях они стремились действовать так, чтобы с наибольшей эффективностью использовать свои главные козыри – скорость, маневр и массированную стрельбу из луков. “Они очень смело вступают в битву с врагом издали, – отмечал С. Герберштейн, описывая характерные для татар тактические приемы, – это, однако ж, бывает непродолжительно: они обращаются в притворное бегство и, улучая удобную минуту, пускают стрелы назад в преследующих неприятелей, потом, внезапно повернув коней, снова делают нападение на рассыпанные ряды врагов. Когда им доводится сражаться на открытом поле и неприятель находится на расстоянии полета копья, они вступают в битву не стройными рядами, а кружатся около неприятельского войска, обхватывая его со всех сторон, чтобы вернее и свободнее метать в него копья. Они наступают и удаляются в удивительном порядке... Этот род сражения по своему сходству с танцами называется у них пляской...” [Герберштейн, 2002, с. 257–258].

В приведенном отрывке прекрасно описаны главные и наиболее характерные тактические приемы татар. И если проанализировать свидетельства современников об организации походов и действиях татарских отрядов на поле боя, то от бытующего мнения о неорганизованности и беспорядочности татарского войска не остается и следа. Действительно, для того, чтобы маневрировать описанным выше способом на поле боя, необходимы незаурядная выучка и дисциплина как рядовых воинов, так и военачальников, начиная с десятников. Отход, перестроение и смена атакующих отрядов были необходимы хотя бы потому, что запас стрел в колчанах был ограничен. Во всяком случае, инструкции Тимура предусматривали, чтобы воин выступал в поход, имея в колчане 30 стрел [Мирхонд, 2007, с. 17]. Дисциплинированность татар и их готовность подчиняться приказам своих начальников подчеркивали многие современники [Броневский, 1867, с. 366–367; Вижнер, 1890, с. 82].

Но не только железная дисциплина превращала татар в опасных противников. Они практически не знали регулярного военного обучения и муштры, что в это время постепенно внедрялось в европейских армиях. Однако отсутствие последних более чем компенсировалось большим опытом совершения регулярных набегов и “втянутостью” как рядовых татарских воинов, так и командного состава в войну. Об этом ярко и образно писал, к примеру, Г. де Боплан, подчеркивая слаженность действий даже самих мелких отрядов татарских воинов [Боплан, 2004, с. 245, 249, 251]. Именно эта “втянутость”, “привычка” к войне снижала опасное и негативно влияющее на боеспособность любого войска “общее трение”, которое прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц видел в несрабатанности военной машины и ее отдельных элементов [Клаузевиц, 2002, с. 116–117].

Привычка к войне и дисциплинированность, огромный опыт, готовность переносить все тяготы войны, отличное умение владеть главным своим оружием, луком, отменные навыки верховой езды делали татар чрезвычайно опасным противником.

К этому стоит добавить также, что сами татары жили в природной крепости. Сотни километров безводной и безлюдной степи были намного лучшей защитой для крымчаков от русских, поляков и литовцев, нежели крепостные стены и валы. Долгое время татары, а не их противники выбирали время и место для удара, татары, а не их враги владели инициативой и навязывали свою волю и свой рисунок боя неприятелю. И если крымчаки не допускали ошибок в развертывании и во время военных действий, то бороться с ними было чрезвычайно сложно. Как метко заметил Г. де Боплан, в войне с татарами побеждал более хитрый, а не более сильный, а соревноваться в хитрости и умени вести малую войну с татарами было трудно [Боплан, 2004, с. 249].

И теперь о последнем – о способности и желании татарского общества эффективно применять военную силу. Воинственность татар, их желание и готовность воевать подчеркивались всеми современниками [Виженер, 1890, с. 81]. Основанное саблей, Крымское ханство поддерживало свое существование саблей же. Однако была ли воинственность крымских татар их врожденным качеством или же необходимым условием существования их общества и государства? Интересные наблюдения, позволяющие дать ответ на этот вопрос, были сделаны Н.Н. Крадиным, который отмечал существование определенной зависимости кочевников от земледельцев [Крадин, 2001, с. 95–96]. На это обстоятельство указывали и другие специалисты [Барфилд, 2006, с. 429; Хазанов, 2006, с. 470–472; Холл, 2006, с. 451]. Между тем земледельческие общества, отличаясь от кочевых большей автаркичностью, самодостаточностью, не испытывали особого стремления вступать в экономические и иные контакты с миром номадов. Последние, нуждаясь в земледельцах, рассматривали их попытки отгородиться от кочевого мира как стремление отстоять свою независимость, этническую и культурную самобытность. Учитывая милитаризованный характер кочевых обществ и присущий им, как, впрочем, и многим другим народам на аналогичной, “варварской” стадии развития, характерный “варварский” этос, предугадать поведение татар по отношению к соседям нетрудно. Набеги на последних, особенно северных, обеспечивали их тем, чего им не доставало, давали дополнительный доход, удовлетворяли их страсть к “хищничеству”, способствовали выживанию татар в случае хозяйственного кризиса. Не стоит забывать и о том, что противостояние Крыма с Россией, Литвой или Польшей носило еще и религиозный характер. Все это придавало отношениям Крыма со своими северными соседями характер особо жестокой враждебности. Как отмечал видный русский военный теоретик и историк Н.П. Михневич, “...войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые...” [Михневич, 1911, с. 38].

Такими представляются основные и наиболее характерные черты развития военного дела в Крымском ханстве в конце средневековья – начале Нового времени. Крымским татарам как обществу, “организованному для войны” (по меткому выражению отечественного историка М.В. Нечитайлова, примененному им по отношению к средневековой Испании), удалось создать эффективную военную машину, которая вплоть до начала XVIII в. представляла серьезную угрозу для своих соседей. И только после того, как в результате военной революции в странах Европы появились массовые регулярные армии, прекрасно оснащенные модернизированным огнестрельным оружием и великолепно обученные, военная мощь Крымского ханства оказалась сломленной, а само ханство утратило свою независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. 3. Симферополь, 1993.
- Акты служивших землевладельцев XV – начала XVII века. Т. IV*. М.: Древлехранилище, 2008.
- Андреев А.Р. *История Крыма: краткое описание прошлого Крымского полуострова*. М., 1997.
- Барбаро и Контарини о России*. М.: Наука, 1971.

- Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, 2006.
- Бобров Л. А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // *Para Bellum*. № 13. 2002.
- Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV – XVII вв.) // *Para Bellum*. 2003, № 1 (17); № 2 (18).
- Бобров Л. А. “Ответный удар” (этапы “вестернизации” доспеха Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени) // *Para Bellum*. 2004, № 2 (22).
- Бобров Л. А. Тяжеловооруженная конница номадов Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) // *Para Bellum*. 2007, № 27.
- Боплан Г. Л. де. *Описание Украины*. М.: Древлехранилище, 2004.
- Броневский М. Описание Крыма Мартина Броневского // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 6. Одесса, 1867.
- Виженер Б. де. Описание Польского королевства // *Мемуары, относящиеся к истории южной Руси*. Вып. I (XVI ст.). Киев, 1890.
- Герберштейн С. Записки о московских делах // *Россия XVI в. Воспоминания иностранцев*. Смоленск: Русич, 2003.
- Горелик М. В. Вооружение народов Восточного Туркестана // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*. М.: Восточная литература, 1995.
- Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Горелик М. В. *Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.)*. М.: Восточная литература, 1993.
- Горсей Дж. *Записки о России. XVI – начало XVII в.* М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // *Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир*. М.: Восточная литература, 2003.
- Зайцев И. В. *Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.)*. М.: Изд-во Рудомино, 2004.
- Зайцев И. В. *Астраханское ханство*. М.: Восточная литература, 2006.
- Исхаков Д. М. *Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004.
- Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989.
- Каргалов В. В. *Московские воеводы XVI–XVII вв.* М.: ООО “Русское слово–РС”, 2002.
- Клаузевиц К. фон. *О войне. Т. 1*. М.: ООО “Изд-во АСТ”; СПб.: Terra Fantastika, 2002.
- Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. *Отечественное коневодство: история, современность, проблемы*. М.: Агропромиздат, 1990.
- Крадин Н. Н. *Империя хунну*. М.: Логос, 2002.
- Литвин М. *О нравах татар, литовцев и москвитян*. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Мадарьяга И. де. *Иван Грозный*. М.: Омега. 2007.
- Мирхонд Мухаммед ибн Хондшах ибн Махмуд. Гаузат ас-сафа фи сират ал-анбия вал малик вал хулафа // Миргалеев И. М. *Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура*. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.
- Михневич Н. П. *Стратегия*. Кн. 1. СПб., 1911.
- Некрасов А. М. *Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.)*. М.: Наука, 1990.
- Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // *Отечественная история*. 1999, № 2.
- Никоновская летопись // *Полное собрание русских летописей*. Т. XIII. М.: Языки славянской культуры, 2000.
- Никоноров В. П., Худяков Ю. С. “Свистящие стрелы” Маодуня и “марсов меч” Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское востоковедение – М.: Филоматис. 2004.
- Остапчук В. Хроника Реммалы Ходжи “История Сагиб Герей хана” как источник по крымско-татарским походам // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001, с. 391–422.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордями и с Турцией. Т. I // *Сборник Императорского Русского Исторического общества*. Т. 41. СПб., 1884.
- Пенской В. В. Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: количественное изменение // *Отечественная история*. 2008, № 1.
- Пинк И. Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. // *Para Bellum*. 2004, № 2 (22).
- Плетнева С. А. *Половцы*. М.: Наука, 1990.
- Рославцева Л. И. *Крымские татары. Историко-этнографическое исследование*. М.: МАКС Пресс. 2008.

- Рюсов Б. Ливонская хроника // *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. II. Рига, 1879.
- Сенаи Хаджи Мехмед Кырымлы. *Книга походов*. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998.
- Скрынников Р.Г. *На страже московских рубежей*. М.: Московский рабочий, 1986.
- Смирнов В.Д. *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*. Т. I. М.: Издательский дом "Рубежи XXI", 2005.
- Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Вып. 14. Симферополь, 1891.
- Тунманн И. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия, 1991.
- Флетчер Дж. О государстве русском // *Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов)*. М.: Международные отношения, 1991.
- Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, 2006.
- Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: ООО "Изд-во АСТ", 2003.
- Хезарфенн Хюсейн. Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман // *Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура*. М.: Наука, 1990.
- Холл Т.Д. Монголы в мир-системной истории // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, 2006.
- Хорошкевич А.Л. *Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в.* М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Хорошкевич А.Л. *Россия в системе международных отношений середины XVI века*. М.: Древлехранилище, 2003.
- Яворницкий Д.И. *История запорожских казаков*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1990.